

УДК: 124.5 + 321.01

«ЕВРОПЕЕЦ НА РАСПУТЬЕ»

О. К. Шевченко

В статье изучаются предпосылки, условия и факторы кризиса современной парадигмы власти в Западной Европе.

Ключевые слова: власть, власть авторитета, авторитет власти.

С появлением индустриального общества была сформирована принципиально иная, чем в потестарном и традиционном обществах, структура власти (середина XVIII века). Ее появление было инициировано глубочайшими сдвигами в социуме, которые на феноменальном уровне произошли с образованием национального государства и созданием разветвленной добывающей экономики, а на онтологическом - с существенным изменением ценностных ориентиров европейского общества. Позднее, в конце XX века в некоторых научных разработках рождавшаяся парадигма доминирования получила наименование – «авторитет власти»^{*}.

Однако уже начале XXI столетия очевидными стали фундаментальные отличия нынешнего европейского общества от его аналога XIX, и даже начала XX века. Это привело к мысли о несоответствии прежней, некогда эталонной модели власти с уже изменившейся ойкуменой. Как результат: напряженные попытки определить должную конфигурацию власти будущего, способной эффективно ответить на исторический вызов, выдвигаемый изменением основ человеческого бытия в европейском мире.

Предлагались различные варианты решения заявленной проблемы. Но они носили частный характер и рассматривали заявленные вопросы с позиций становления гражданского общества [6], нюансов схем принятия управленческих решений [17;18], психологической составляющей власти [1] и т.д. Но, собственно, власть, ее становление и развитие оставалась в тени научных и философских исследований, что приводило и приводит к многочисленным абберациям.

Поэтому, учитывая необходимость насыщения кратологического дискурса исторической проблематикой, следует признать актуальным выделение в качестве объекта данной статьи - специфику становления власти в европейском обществе, а предмета - развитие власти в европейском обществе индустриального и постиндустриального типа.

Целью статьи будет являться: анализ трансформаций оснований авторитета власти в ключевых сферах человеческой жизнедеятельности европейского мира.

Объект, предмет и цель исследования инициируют следующие задачи:

^{*} Подробнее об изначальном этапе становления власти, а также смысловой нагрузке концептов: «власть авторитета» и «авторитет власти» см. [6, с.13-21]

- рассмотрение условий и факторов становления авторитета власти в Европе;
- изучение основных движущих сил развития авторитета власти в индустриальной цивилизации Западного мира;
- анализ причин кризиса авторитета власти в европейской ойкумене.

В рамках постстарного общества сложился компромисс между диаметрально противоположными принципами существования власти: горизонтали (признаки: влияние, управление, согласие) и вертикали (иерархия, господствование, подчинение). В научной литературе он получил обозначение: «власть авторитета» [6, С. 13-14]. Однако, с разрушением привычных условий существования сформировавшаяся форма властного диалога была подвергнута испытанию (Архаика), а позднее уничтожена (Античность).

Второй формой диалога горизонтали и вертикали власти стал авторитет власти, который прошел свой собственный этап становления и развития.

В течение десяти столетий (примерно с V в до н. э. по XVIII в.) рамках традиционного общества происходил поиск оптимальной системы взаимоотношений при усилении национального государства, с одной стороны, и увеличения степени самосознания личности и ее космополитичности - с другой. В результате в эпоху Возрождения государство как отчужденная форма общества получило право на существование, что было закреплено на теоретическом уровне работами Н. Макиавелли, Ж. Бодена, Т. Гоббса, Д. Локка. Сложившиеся к этому времени экономические условия позволили сформироваться такому политическому сознанию, которое стало отождествлять государство с властью вообще. Индивид, вырванный этими процессами из общины, был отчужден от власти государственными структурами в лице бюрократии (формой осуществления власти). К XVIII веку авторитет власти стал новой властной парадигмой, которая пришла на смену архаически-первобытной власти авторитета.

В этой схеме о доминанте заявило государство. А принцип жесткой иерархии и субординации пришел на смену горизонтальной коммуникации. Принципы господствования и подчинения стали доминировать над влиянием и согласием. Личность исключалась из процесса принятия властного решения. Ее заменяла предельно обезличенная система бюрократии и государственных должностей. Отныне властью наделялся не человек, а государственная структура с четко зафиксированной системой полномочий. Появившееся научное мировоззрение стало доминирующей формой общественного сознания. Оно смогло выработать оптимальную форму осуществления власти – демократию, с ее трехчленной системой сдержек и противовесов (исполнительная, законодательная и судебная власть). Рожденная модель была плодом представлений элиты того времени о классической механике. Европейец-интеллектуал сделал свой выбор и... попал в жернова истории.

Произошла ситуация, когда изменяющиеся ценностные ориентиры стимулировали изменение системы власти, а последняя стала оказывать активное воздействие на сами ценности. Ценности начали активно подменяться идеологическими клише и ложными нравственными ориентирами. Это явилось

одним из аспектов подмены культуры - цивилизацией, биофилии - некрофилией, стремлением к искусственно созданным, по определению, мертворожденным, вещам индустриальной цивилизации.

Таким образом, система власти обрела статус ставшего и, в результате искусственной корректировки ценностей, стала адекватно отражать реалии современного ей мира. Система оказалась настолько прочной, что был начат ее экспорт (начало XX века) в остальные страны мира, которые все больше входили в сферу влияния Запада.

Однако еще в XVIII веке отдельные мыслители, уловив искусственность государства и его противоречия с безусловными ценностными основаниями жизни человека, попытались продумать альтернативы государству в рамках идеи гражданского общества. Но успехов не достигли. Тем не менее, сама идея не угасла, а получила дальнейшую разработку в трудах И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса.

Ныне проблема гражданского общества является, пожалуй, наиболее дискуссионной в социальной философии. Тем не менее не смотря на все многообразие определений и различий понимания термина [6], одно оставалось неизменным. На уровне идеала, концепт «гражданское общество» всегда мыслился как универсальная форма диалога между государством и обществом в условиях доминирования принципов горизонтали власти. Именно этот аспект гражданского общества пережил своих создателей и ныне активно эксплуатируется в научных и философских исследованиях. Но практическая реализация идеи гражданского общества во всей ее полноте, как идеала европейской культуры, не могла и не может быть осуществлена в условиях доминанты авторитета власти. То есть той реальности, которая характерна для всего современного европейского мира. Поэтому возникает закономерный вопрос: каковы же пределы функционирования авторитета власти?

Э. Тоффлер в своей монографии «Метаморфозы власти» провел анализ теоретических возможностей принципов вертикальной субординации (которые являются скелетом авторитета власти) в экономической и социальной сферах [17]. В результате он пришел к следующим выводам.

Во-первых, там, где требуются творческие усилия большого коллектива людей, эффективными оказываются принципы координации. Авторитет власти эффективен лишь при относительно монотонных, не требующих быстрого реагирования процессах (будь то в экономике или в политике).

Во-вторых, авторитет должности неуместен там, где речь идет о группе индивидуалов, автономных в своей деятельности. В индустриальном обществе этого не требовалось (исключение - художники и артисты).

В-третьих, авторитет власти бессилён решать глобальные проблемы, требующие перестройки всего государственного организма, идеологии и мировоззрения.

В-четвертых, авторитет власти немислим, когда существуют высокие информационные запросы общества, ведущие к осознанию обществом своих сил и возможностей (французские революции, появление Веймарской республики, эволюция Британской монархии).

Таким образом, исходя из рассуждений Э. Тоффлера, предел прочности, авторитета власти во многом исчерпывается в современном обществе, которое, по мысли ряда авторов, проходит по реестру переходного, трансформирующегося общества.

Однако критика работ Э. Тоффлера показала, что дискуссия относительно кризиса современной парадигмы власти только началась. Наиболее фундаментальным критиком идеи информационного (постиндустриального) общества, а следовательно и кризиса авторитета власти, следует считать К. Мей. В своей монографии «Информационное общество» британский исследователь последовательно доказывает, что в конце XX века ни один из параметров информационного общества ни в экономике, ни в политике не существует. Более того, считает К. Мей, информационное общество - это миф, удобный для биржевых спекулянтов и политических агитаций [12, с. 8]. Не учитывать приведенные К. Мейем факты нельзя. Действительно, мировая экономика все еще индустриальна, в ней основным источником дохода и регулятором биржевых колебаний служит цена на сырьевые источники, и прежде всего на нефть и газ. Но информационные технологии и влияние информации как специфического товара с каждым годом расширяют свой сектор экономики. Сейчас уже никого не удивишь, что возможна покупка и продажа денег как некоего идеального объекта за которыми не стоят реальные, опредмеченные товары, а между тем совсем недавно это вызывало бурные дискуссии в экономической науке. Трудно не согласиться с К. Мейем и в том, что ныне нет речи об отмирании государственных институтов. Об этом свидетельствует и претензии на диктат государства США в адрес той доли американского общества, которое выступает против войны с Ираком, столкновение государства Франции и солидной части французского общества по поводу договора «О первом найме». Показательны сами эти столкновения, но и показательна возможность уступок государства – обществу. Скорее всего, речь должна идти о начале трансформации старого индустриального общества в некое иное качество. Само по себе понятие трансформация вполне допускает подобного рода трактовку [13, с. 52; 16, с. 16 - 17].

В целом, не так уж и важно, как будет обозначено общество, приходящие на смену индустриальному, как не актуально и прогнозировать точную хронологию трансформации. Сегодня действительно важно «лишь» определить безусловно фиксируемые изменения в разных сферах человеческого общества, которые в силу своей фундаментальности, заявляют о своем праве считаться измерениями бытия власти. В данном аспекте и будет рассмотрен кризис авторитета власти в современных нам трансформационных условиях.

Экономическое измерение бытия власти.

Появление частной собственности и собственности на средства производства предварило завершение истории власти авторитета. Его механизмы не смогли эффективно контролировать распределение продуктов труда. С развитием капиталистического способа производства в рамках известной формулы «товар – деньги – товар» появился прочный базис для функционирования уже указанных принципов авторитета власти. Основой для капитализма стали формально

свободный рынок, неприкосновенность частной собственности и промышленное производство. Последнее явилось той реальностью, которую исключительно удачно отразили принципы иерархии господствования и подчинения при жестко централизованной системе с вертикальной субординацией и доминированием идеологических клише вместо реальных ценностей. Олицетворением этой системы стали корпорации Ф. Моргана и Г. Форда. Однако с началом изменения качества товара (с промышленного, физического объекта на информацию, знание и услуги) происходит кардинальная смена схем принятия управленческого решения. Формула «товар – деньги – товар» остается прежней, но эффективность оборота капитала при новом качестве товара сильно задерживается старой командной системой. Так работники интеллектуального труда стали обладать собственностью на свои уникальные способности. При этом такая собственность не отчуждаема и не может быть присвоена в объективированной форме [7, с. 11].

Эти процессы происходят на фоне усиления факторов самоорганизации и саморазвития общественных структур как особенности современного общественного устройства [2, с. 5; 22;]. Производство знания и информации требуют не приказов, а рекомендаций. В этой сфере востребовано не управление, а координация. Наиболее эффективной становится система, в которой каждое звено обладает автономией и возможностью обширной горизонтальной коммуникации.

Следовательно в экономической сфере, создаются объективные причины функционирования принципов власти авторитета на уровне общего и целого, исходя из объективных экономических условий а не в рамках единичного и уникального исходя из набивших оскомину идеологических клише, как это уже имеет место в социальной плоскости западной цивилизации.

Политическое пространство власти.

В рамках индустриального общества особую роль играют политическое сознание, политическая идеология и государство. С его развитием, государство берет на себя обязанности не просто поддержания порядка и внешних границ, но и заявляет о претензии на регламент внутренних устоев общества. В этом случае человеку отводится роль подданного. Но, несмотря на доминирование государства, роль общества, в котором человек ощущает себя гражданином, парадоксально возрастает. Старое противоречие обретает в индустриальном обществе новое качество и проявляется как противостояние государства (в форме бюрократии) и свободной ассоциации людей (в форме гражданского общества) [6, с. 27]. Ранее антиподом государства выступала семья. В индустриальном обществе роль альтернативы стали играть общественные организации. В отношениях «подданный – государство» человек отчуждается от власти, которая является прерогативой бюрократии. В отношениях «гражданин – гражданское общество» он расширяет свои властные полномочия. При существовании устойчивой системы авторитета власти государство имело возможности уменьшить эти противоречия. Но из-за классического правила, согласно которому любая система обеспечения стремится превратиться в систему самообеспечения, произошла инверсия бюрократии в бюрократизм [5], а из демократии, как способа осуществления власти, выхолащилось ее содержание, заложенное еще в XVIII веке.

Взрывное изменение экономических устоев общества привело к его существенной трансформации. Необычайно стремительное развитие средств коммуникации (телефон, радио, телевидение, Интернет) предоставило обществу огромные возможности для создания структур, альтернативных государству. Бюрократия становится лишней. Появились технические возможности решать политические проблемы напрямую, без посредников. Реальностью стала система принятия решений через референдумы в Ирландии и Швейцарии, в некоторых штатах США. А это резко уменьшает роль профессиональных политиков.

Однако вопрос, какую форму обретет трансформация политического сознания, остается открытым. Очевидно лишь, что оно стремится воплотить в себе многие идеи гражданского общества (одной из альтернатив гражданскому обществу является идея «ноократического общества» [15]).

Социокультурная сфера власти.

Системный характер перемен не мог не затронуть социокультурное измерение человеческого бытия. Если потеря мифологическим мировоззрением доминирующих ролей лишила власть авторитета в потестарном обществе нравственного и нормативного основания, то религиозный и, особенно, научный типы мировоззрения освятили и обосновали авторитет власти. Научное обоснование осуществления власти в форме бюрократии закрепили за новой парадигмой власти ее доминирующий статус. Мифологическое мировоззрение, на первый взгляд, было полностью раздавлено и уничтожено. Однако современность преподносит нам проявление мифологического мировоззрения уже в новом качестве: спиритизм и астрология, шаманство и фетишизм, а также политические мифологиемы. Особенно широкое распространение мифологическое мировоззрение получает в среде молодежи. Это еще один тревожный сигнал, который свидетельствует о том, что онтологические основания старой парадигмы власти дали трещину. Для нового поколения научное и религиозное обоснования авторитета власти уже не имеют значения. Их идеалом становится система власти авторитета, которая до сих пор успешно сохранилась в среде профессионального преступного мира и получила второе дыхание в неформальных молодежных организациях. Эти факты являются следствием кризиса идентичности. Как считает В. М. Межуев, переход к новому миру, имеющему много названий, «сопровождается кризисом всех форм идентичности, известных до сих пор» [11, с. 13]

На ценностном уровне противоречия между властью авторитета и авторитетом власти вылились в парадоксальное сосуществование свободы и принуждения, которые затрагивают проблемы справедливости, разума, диалога и согласия [8]. Это в XX веке послужило источником взрыва противоречий в рамках индустриального общества (что в свое время, предсказал еще Ф. Ницше [14]). Так, отторжение от идеологических клише, приведших к ужасам двух мировых войн, вызвало распространение движения хиппи, ..., и прочих неформальных организаций. Искусственное навязывание нравственных приоритетов с жесткими моделями поведения повлекло лозунг: «назад к природе к естеству». Новые прочтения получили такие фундаментальные ценности, как жизнь, свобода, воля, собственность. Вновь актуализировалась проблема равенства и справедливости.

Еще одним косвенным подтверждением социокультурной неопределенности является мощный взлет интереса к футурологическим и, в особенности, к эсхатологическим сюжетам в рамках новоевропейской цивилизации [19; 4; 20]. Вновь интересом стал пользоваться жанр социальных утопий, рядящийся ныне в одежды социальной фантастики и псевдоисторических романов [3; 10; 21; 23; 24].

Кризис идеологических клише, попытки элиты восстановить статус фундаментальных ценностей человеческого общежития при разбалансированности системы властных принципов на сущностном уровне – это современный облик социокультурного измерения власти.

Вывод.

Во всех ключевых измерениях человеческого бытия очевиден кризис базовых посылок, как национального государства, так и авторитета власти. Но было бы наивно и методологически некорректно утверждать о неминуемом «приходе» гражданского общества вкупе с «торжеством принципов власти авторитета» и полностью исключать возможности консервации современной парадигмы власти. Это тем более верно, что предыдущий период трансформации власти продемонстрировал, насколько серьезно она способна корректировать основополагающие ценности общественного бытия.

В современных условиях, с развитием информационных технологий, наряду с их позитивным значением для формирования власти авторитета, имеются предпосылки для формирования «одномерного человека» нового, отличного от индустриальной парадигмы качества [9]. И нет никаких гарантий, что в уже начавшемся открытом противостоянии «авторитет власти – ценности» последние не будут вновь заменены определенной идеологией. Для XVIII века такой результат был хоть и печален, но закономерен, он позволил в серьезной борьбе сформировать позитивный облик будущего, обеспечил развитие общества. Ныне он будет бесперспективным, тупиковым, ибо развитие общества может быть заблокировано всемирным аппаратом информационных технологий, который лишит человека права на борьбу, на вечную неудовлетворенность окружающим миром и... самим собой.

В этом заключается специфика современного этапа трансформационных процессов власти. И дилемма «европейца на распутье» спустя три столетия вновь встает перед образованным, интеллектуальным европейским миром как никогда остро.

Список литературы

1. Батлер Д. Психика власти: теории субъекции: Пер. с англ. – Харьков; СПб.: ХЦГИ; Алетейя, 2002. - 160 с.
2. Борщов А.С. Факторы детерминации в эволюции современного общества // Межвуз. науч. сборник: Перспективы социальной эволюции современного общества. Саратов: Юл, 2001. – С. 3-5.
3. Брин Д. Почталъон: Пер. с англ. – Спб., Изд-во «Азбука-классика», 2004. – 380 с.
4. Бьюнкен П. Смерть Запада: Пер. с англ. – М.: АСТ, 2004. – 445 с.
5. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 806 с.
6. Гражданское общество: истоки и современность. Изд. второе испр. и дополн. / Под общ. ред. И.И. Кального - СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 301 с.

7. Иноземцев В.Л. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической перспективе // Вопросы философии. – 2000. - №12. – С.3-13.
8. Капустин Б.Г. Современность – как принуждение и как свобода // Вопросы философии. – 1998. - №4. С.19-37.
9. Карагод Ю.Г. К вопросу о глобализации ценностных систем // Перспективы социальной эволюции современного общества: Сб. науч. раб. – Саратов: ЮГ, 2001. – С. 36-39.
10. Конде А. Грифон: Пер. с галисийского. – СПб.: Изд-во «Азбука-классика», 2004. – 318 с.
11. Межуев В.М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара клуба ученых «Глобальный мир». Вып 10. – М.: Издат. дом «Новый век», 2001. – С. 4-19.
12. Мей К. Інформаційне суспільство. Скептичний погляд: Пер. з англ. – К.: К.І.С, 2004. – 214 с.
13. Мусиесзов А. А. Трансформация: к вопросу о концептуализации постсоветских социальных изменений // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб. наук. пр. – Харків: ХНУ, 2002. – С. 51-56.
14. Ницше Ф. Воля к власти // Ницше Ф. Воля к власти: Пер. с нем. – М., Харьков: ЭКСМО, ФОЛИО, 2003. - С.365-714.
15. Пірен М. Демократичні традиції в Україні та здійснення соціально-економічних реформ (соціо-психологічний аналіз) // Соціально-психологічний вимір демократичних перетворень в Україні: Зб. наук. пр. – К.: Укр. Центр політ. мененд-ту., 2003. - С. 9-25.
16. Подшивалкина В. И. Трансформационные процессы в обществе: проблемы развития познавательных моделей // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб. наук. пр. – Харків: ХНУ, 2002. – С. 15-17.
17. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Пер. с англ. - М.: АСТ, 2003. - 671 с.
18. Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с англ. – М.: АСТ, 1999. - 783 с.
19. Фукуяма Ф. Конец истории и конец человечества: Пер. с англ. – М.: АСТ, 2004. – 476 с.
20. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: Пер. с англ. – М.: АСТ, 2005. – 604 с.
21. Херберт Ф. Дюна: Пер. с англ. – М.: Фея, 1992. – 576 с.
22. Шадрин А.Е. Трансформация экономических и социально-политических институтов в условиях перехода к постиндустриальному обществу // Материалы к международному симпозиуму: «Тенденции и перспективы социокультурной динамики», посвященной 110 летней годовщине со дня рождения П.А. Сорокина. – М. Из-во МФК, 1999. - С. 269– 274.
23. Эко У. Баудолино: Пер. с итал. – СПб.: Симпозиум, 2005. – 576 с.
24. Эко У. Имя розы: Пер. с итал. – М.: Книжная палата, 1989. – 497 с.

Шевченко О. К. Європець на розпуття.

У статті вивчаються передумови, умови й фактори кризи сучасної парадигми влади в Західній Європі.

Ключові слова: влада, влада авторитету, авторитет влади.

Shevchenko O.K. The European at the crossroads.

In the article preconditions, conditions and factors of crisis of a modern paradigm of authority in the Western Europe are studied.

Keywords: authority, authority of power, power of authority.

Поступило в редакцию 14.09.2007